
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

УДК (571.5)

Ч.Г. АНДРЕЕВ

ББК ТЗ(2)

НОВАЦИИ В ЖИЗНИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анализируются изменения в материальной и духовной жизни коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Ключевые слова: аборигены, влияние, новшества, общество.

CH.G. ANDREYEV

THE INNOVATIONS IN THE LIFE OF SIBERIAN NATIVE PEOPLE AT THE SECOND PART OF XIXTH — BEGINNING XXTH CENTURY

The author analyzes the changes in material and spiritual life of Siberian native people at the second part of XIXth — beginning XXth century.

Keywords: native people, influence, innovations, community.

Численность всего коренного населения Восточной Сибири увеличилась с 485,1 тыс. в 1860 г. до 613, 7 тыс. в 1897 г., т.е. на 26,5 % [3, с. 194]. Наиболее многочисленными были буряты, которых в Восточной Сибири насчитывалось 288, 4 тыс. чел., затем шли якуты — 225,4 тыс., хакасы — 41 тыс. чел. [9, с. 10–12] и др. Почти все аборигены жили в сельской местности. В 1897 г. в городах проживало 0,3 % хакасов, 1,7 якутов, 0,6 % бурят [3, с. 202]. Рост численности коренного населения наблюдается и в начале XX в. Ежегодный прирост численности народностей Сибири в губерниях Енисейской и Иркутской составлял 0,7 % и 1 %. В Забайкальской и Якутской областях — 0,9 % и 0,5 % [6, с. 172].

Главной причиной роста численности большинства сибирских народов было распространение среди них земледелия, возрастание оседлости, проходивших под влиянием русского крестьянства. Например, у аларских и балаганских бурят Иркутской губернии среднегодовой прирост населения во второй половине XIX в. был в 5 раз выше, чем у их сородичей, занимавшихся скотоводством. Тем не менее, прирост аборигенов значительно отставал от такового у русских крестьян. Кочевой образ жизни значительной части «инородческого» населения Восточной Сибири делал неустойчивый динамику населения.

К началу XX в. наблюдается некоторое ослабление патриархально — родовых традиций в брачных отношениях сибирских народов. Решающим фактором в этом было развитие форм собственности (от общинно-родовой к частной), тесно связанное с развитием хозяйства от натурального к товарно-денежному. При этом следует учитывать, что общественно-экономическое развитие в различных регионах Восточной Сибири шло неодинаковыми темпами. Поэтому, если в передовых районах (контактировавших с торгово-промышленной цивилизацией) та или иная старая форма брака стала постепенно исчезать, то в наиболее отдаленных местах она по-прежнему сохранялась.

В конце XIX — начале XX вв. проникавшая к сибирским аборигенам «торгово-промышленная цивилизация» постепенно разрушала традиционный образ жизни. Под влиянием приобщения к некоторым культурным ценностям «большого» мира часть улусной молодежи стала критически относиться к устоям «старой» жизни, что вызывало недовольство старшего поколения. Среди части «инородческой» молодежи, проживавшей вблизи городов, путей сообщения случались факты антисоциального поведения (пьянство, драки, хулиганство и т.п.) [8, д. 115, л. 4 об.]. Однако, в целом бурятская, хакасская, якутская молодежь по-прежнему была верна традиционному образу жизни и с большей или меньшей строгостью выполняла все его предначертания.

Изменения, происходившие в хозяйственной жизни народов Сибири во второй половине XIX — начале XX в., отражались на их культуре. В 60-х гг. XIX в. А.П. Щапов отметил, что сибирские народы «начинают сознавать важность и даже необходимость грамоты», ждут «просвещения и совершенствования» [11, с. 416]. В исследуемый период в районах, где жили буряты, хакасы, якуты, действовали министерские (ведомства Министерства народного просвещения), миссионерские и церковно-приходские (ведомства Синода), а также домашние, или «вольные» школы.

Во второй половине XIX — начале XX в. произошли существенные изменения в скотоводческом хозяйстве коренных народов Восточной Сибири. Они были связаны с развитием капиталистических отношений в Сибири и возрастанием связей традиционного хозяйства с рынком, постепенным переходом бурят, хакасов, якутов к занятию земледелием. Развитие товарности скотоводства последних проявлялось как в изменении состава стада, так и в способах содержания скота. Статистико-экономические обследования конца XIX — начала XX в. установили, что в общем составе стада сибирских «инородцев» произошло сокращение количества лошадей и увеличение крупного рогатого скота. Буряты, якуты, хакасы стали разводить более товарный вид скота, требовавший в то же время для поддержания его продуктивности более совершенных способов содержания. В технике скотоводства наблюдался переход к стойловому содержанию и сокращению кочевания.

К земледельческой культуре коренные народы Восточной Сибири приобщились не в одно и то же время и не в одинаковой степени, что объяснялось почвенно-климатическими условиями мест их расселения. Например, у иркутских бурят первое место в области земледелия занимали идинские, балаганские, аларские буряты, проживавшие перемешанно с русскими селениями в удобных для хлебопашества местностях по притокам Ангары — Оке, Осе, Иде, Унге. У хакасов хлебопашество имело благоприятные условия лишь в лесостепных пространствах Таштыпа, Теи, Еси и Аскыза. У якутов земледелие успешно развивалось лишь в самом южном округе области — Олекминском. Во второй половине XIX — начале XX в. к земледелию приступила остальная часть бурят, якутов, хакасов. Но степень развития земледелия у них по-прежнему была разной. Быстрому росту земледелия у аборигенов способствовало и то, что оно зародилось на базе скотоводческого хозяйства. Последнее сказалось тем, что «инородцы» по сравнению с русскими крестьянами были лучше обеспечены тягловой силой.

Наибольших успехов добились в земледелии иркутские буряты. При изучении истории земледелия у народов Восточной Сибири в XIX в. не следует забывать о его товарном направлении. В 1887–1889 гг. рыночный хлеб у иркутских бурят составлял около 3 млн пудов, или 68 % чистого сбора, который сбывался в основном на золотые прииски, винокуренные заводы, в Якутскую область, в различные казенные места, на постоянные дворы и т.д. Продавцами основной массы хлеба, поступившего на рынок, являлись зажиточные хозяева.

Богатая верхушка аборигенов в целях повышения эффективности своего хозяйства, связанного с рынком, приобретала усовершенствованные сельскохозяйственные орудия заводского производства. Дальнейшее развитие земледелия у народов Восточной Сибири тормозилось отсталостью социально-экономического строя. Правительство не оказывало должной агрономической помощи населению. Отмеченные черты развития земледелия во второй половине XIX — начале XX вв. были характерны не только для «инородческого» населения Сибири, но и других колонизируемых районов России.

Развитие земледелия и сенокосения у народов Восточной Сибири имело большое значение в постепенном изменении их образа жизни, переходе к оседлости. Буряты, якуты, хакасы, по примеру русских крестьян, начали строить деревянные дома, амбары и другие хозяйственные постройки. Во второй половине XIX — начале XX в. получают распространение и другие так называемые «отхожие» промыслы: извоз, заготовка и сплав леса, работа на приисках и прокладка дорог, наем на различные хозяйственные работы у русских крестьян и казаков и др. До проведения железной дороги извозной промысел не имел большого значения у бурят. С ее же проведением этот промысел стал усиливать-

ся на путях, имевших подъездное значение по отношению к сибирской железной дороге. Задолженность, необходимость иметь деньги к определенному сроку — для уплаты ясака и повинностей толкали рядовое «инородческое» население на различные сторонние заработки. Отходничество резко возрастало в неурожайные годы. Многие разорившиеся бедняки уходили в крупные города (Якутск, Иркутск, Минусинск и др.). Для бедных «инородцев» продажа рабочей силы являлась основным средством жизни. Развитие отхожих промыслов свидетельствовало о медленном разрушении традиционного образа жизни.

Среди богатой верхушки коренного населения появились купцы (буряты: И. Пирожков, Ш. Шабаринов, А. Пятницкий, Д. Бадмаев, Я. Зодбовев, Г. Ирдынеев, Н. Очиров и др.; хакасы: М. Сельдемешев, Г. Чирков, И. Четыков, А. Чудогашев, П. Мохов и др.; якуты: Г. Никифоров, И. Эверстов, И. Антипин и др.). Богатая верхушка народов Сибири не ограничивалась торговлей и стала вкладывать свой капитал в промышленные заведения (буряты: И. Пирожков, Р. Дашинов, М. Бунаев, А. Хадеев; якуты: К. Спиридонов, Н. Захаров, А. Мигалкин; хакасы: Э. Спиринов, И. Четыков).

Развитие земледелия и товарно-денежных отношений привело к большим изменениям материального быта аборигенов. В XVII–XVIII вв. основным жилищем бурят и хакасов служила войлочная юрта, имевшая округлую форму. Начиная с середины XIX в. среди бурят, хакасов и якутов получили распространение стационарные деревянные юрты. Ситуация с сокращением войлочных юрт наблюдалась у всех «инородцев» Восточной Сибири, за исключением чистых скотоводов-агинцев в Забайкальской области. У последних к 1908 г. основная масса населения проживала по-прежнему в войлочных юртах, которых было 4231 [10, с. 349].

С развитием товарно-денежных отношений во второй половине XIX — начале XX в. одежда из кожи постепенно уступает свое место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. Одежда в магазинах была дорогой, поэтому купить ее могли только состоятельные люди. Значительная часть же «инородческого» населения еле-еле обеспечивавшая свое состояние, не имела возможности покупать даже самые дешевые ткани. Существенные изменения произошли в пище народов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. в тех местах, где земледелие получило большое распространение. Наряду с мясной и молочной пищей вошли в употребление хлебные и мучные изделия, картофель, капуста, огурцы.

Общение с русским населением, а также прикивавшие в улусы (аалы) товарно-денежные отношения оказали большое влияние на повышение познавательной активности аборигенов. Царские чиновники, посетившие Восточную Сибирь в конце XIX — начале XX в. отмечали, что «огромное стремление к образованию, проникшее к инородцам является результатом сознания опасности обеднения и вымирания»

[8, д. 339, л. 10 об.]. Поддержанию грамотности среди населения должны были способствовать общественные библиотеки, однако в «иностранческих» селениях их было мало. У забайкальских же бурят-ламаистов центрами просвещения были дацаны.

«Иностранческая» интеллигенция стала принимать активное участие в периодической печати. В годы первой русской революции в Якутске издавалась газета «Якутский край», где время от времени печатались статьи якутских авторов. В 1912 г. выходила газета «Якутская окраина», а в 1916 г. газета «Якутские вопросы». Обе газеты имели отделы на якутском языке. В 1912 г. издавался журнал «Саха сангата» («Голос якута») [5, с. 433], с 1897 г. в г. Чите видным царским сановником, тибетским лекарем П.А. Бадмаевым издавалась первая бурятская газета «Жизнь на восточной окраине» [8, д. 562, л. 17].

В начале XX века в высших учебных заведениях Европейской России обучалось около 30 бурят, примерно такое же количество было от хакасов и якутов [4, с. 45]. Из их среды вышли следующие талантливые ученые: М.Н. Богданов, Ц.Ж. Жамцарано, Н.Ф. Катанов и др. Среди других исследователей конца XIX — начала XX в. необходимо отметить: бурятов Г. Цыбикова (востоковед) и братьев А. и П. Бадмаевых (специалисты по тибетской медицине), М. Хангалова и П. Баторова (этнографы); хакаса С. Майнагашева (этнограф); якута А. Кулаковского (филолог). Работу подвижников из среды аборигенов всячески поддерживали известные общественные деятели Сибири: Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, Н.Н. Агапитов и др.

Во второй половине XIX — начале XX вв. усилилась политика царского правительства по христианизации нерусского населения Сибири. Влияние христианства на шаманскую религию выразилось в появлении в шаманском пантеоне богов христианского происхождения. Особенно в этом отношении повезло святому Николаю-угоднику. Его культ был особенно распространен у тех групп «иностранцев», где земледелие получило наибольшее развитие.

Влияние христианства на шаманскую религию аборигенов Восточной Сибири сказалось в ее культовой системе, в частности, в календарных сроках устройства коллективных, религиозных жертвоприношений (тайлаганов и др.). В конце XIX — начале XX в. в ведомствах крещеных «иностранцев» установилась традиция приурочивать последние к христианским праздникам: в июне — к Петрову дню, в июле — к Ильину дню, осенью — к Покрову [1, л. 12]. Самой собой понятно, что такой поворот в сознании и деятельности не был скоротечным и не имел необратимого характера. Аборигены, освоив православную обрядность, оставались полными невеждами в православной догматике.

С другой стороны, было бы неправомерным не обращать внимания на позитивные черты в истории крещения коренного населения Восточной Сибири. Крещеные буряты, хакасы, якуты в большей степени, чем не-

крещеные, приобщались к российской культуре, больше создавали школ европейского типа, быстрее и шире усваивали традиции общественного и семейного быта русских. В конце XIX — начале XX в. школы, книги, журналы, деловые связи с деятелями науки и культуры, одежда европейского покроя, предметы русского домашнего обихода, знание и соблюдение многих правил санитарии и гигиены были уже распространенным явлением у крещеных «инородцев» [2, л. 61]. В связи с переходом к православию аборигены расширяли и активизировали хозяйственно-экономические и культурные связи с русским населением, овладевали русским языком, усиливались их мобильность и социальная активность.

В связи с изменениями социально-экономических условий, и особенно с проникновением капиталистических отношений, старинные народные праздники и спортивные игры в регионах Восточной Сибири, где проживало коренное население, развивались неравномерно. У скотоводов они имели довольно широкое распространение, а у аборигенов, перешедших к занятию земледелием — меньше. Общение у последних происходило не только во время традиционных национальных праздников, но и на проникших к ним, под влиянием русского населения, христианских праздниках.

Большую роль в общении народов Восточной Сибири играли межэтнические контакты, и прежде всего, с русским населением, которые начались со времени включения Сибири в состав Российского государства. В XVII–XVIII вв. контакты бурят, хакасов, якутов с русскими носили характер заимствований и подражаний со стороны аборигенов, зачастую случайных и механических, не изменяющих традиционный образ жизни. В XIX в., особенно со второй его половины, в связи с проникновением капиталистических отношений, расширяющиеся связи общения интенсифицировали процесс усвоения народами Сибири новых ценностей хозяйства, материальной и духовной культуры и др.

Контакты с русскими культурными центрами, знакомство с разными слоями русского общества, возможность сбывать свои продукты на рынке за наличные деньги привили аборигенам новые потребности и привычки. За время соседней жизни между народами Восточной Сибири и русскими сложились отношения взаимопомощи. Большая часть аборигенов имела в ближайших русских деревнях своих дружков, знакомых. Точно также русские, со своей стороны, заручались своими дружками по улусам (аалам). В неурожайные годы аборигены и русские помогали друг другу скотом, хлебом и т.п. [7, с. 88–89].

Существовали и другие формы взаимопомощи: совместные артели охотников, рыбаков, возчиков и др. Устраивались совместные «помочи». Если общение между простым населением улуса (аала) и деревни носило в целом дружелюбный характер, то отношение аборигенов к представителям официальной власти и религии было настороженным. В жизнь

аборигенов проникал бюрократизм. В начале XX в. буряты, хакасы, якуты стали оформлять различные рапорты, прошения, распоряжения, предписания, расписки, соглашения и прочие деловые бумаги. В это время произошел резкий перелом не только в количественном росте документов, но и в оформлении, стиле и языке этих документов [8, д. 324, л. 35].

Общение с русским населением оказало большое влияние на повышение активности аборигенов в сфере общественной жизни. Проникавшие во второй половине XIX в. в среду коренного населения Восточной Сибири капиталистические отношения постепенно разлагали традиционный образ жизни. Усилились выступления бурят, хакасов, якутов против различных родовых пережитков в хозяйственной и общественной жизни.

Список использованной литературы и источников

1. Архив востоковедов Института Востоковедения Академии Наук, Санкт-Петербургское отделение (АВИВАН, СПбО). — Ф. 62. — Оп. 1. — Д. 6.
2. Архив Российской Академии Наук, Санкт-Петербургское отделение. — Ф. 135. — Оп. 2. — Д. 258.
3. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд.-е, 1975. — 256 с.
4. История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ : Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. — Т. 1. — 495 с.
5. История Сибири. — Л. : Наука, 1968. — Т. 3. — 630 с.
6. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 544 с.
7. Кудрявцев Ф. А. Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII-XX вв. / Ф. А. Кудрявцев // Вопросы истории. — 1946. — № 10.
8. Российский государственный исторический архив. — Ф. 733. — Оп. 175. — Д. 339; Ф. 733. — Оп. 227. — Д. 115; Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 324; Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 562.
9. Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия / И. И. Серебренников. — Иркутск : б.и., 1913. — 47с.
10. Труды Агинской экспедиции. — Чита : Паров. типография «Забайкал. товарищество печат. дела», 1911. — Вып. VII. — 365 с.
11. Щапов А. П. Сочинения / А. П. Щапов. — СПб. : изд-во М.В. Пирожкова, 1906. — Т. II. — 620 с.

Информация об авторе

Андреев Чингис Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, 670034, г. Улан-Удэ, пр. 50-летия Октября, 58, e-mail: chin-andr@mail.ru.

Author

Chingis G. Andreyev — Doctor of History, Professor, Ulan-Ude Institute of Railway Transport, 58 50-letiya Ocyabrya pr., Ulan-Ude, 630034, e-mail: chin-andr@mail.ru.